ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

КРИТИКА

Россия в азбучных истинах

Александр МЕДВЕДЕВ

О книге Александра Люлина "Азбука славян"

Александр Люлин – поэт "роскошно-дерзкий", способный бросить мимоходом:

Подумаешь, Иосиф Бродский!
Какой-то скучный он, сухой…
Милей коньяк да папироски,
Костёрчик да котёл с ухой!

Люлин – поэт определённо не сухой и образы его сочны, и слог арбузно-алый с хрустящей чернотой словечек-семечек живучего языка смышлёных мужчин с улиц пригородов и посёлков городского типа.

– И при этом весьма-с ложен.

– Что вы сказали?

– Весьма сложен! А вам что послышалось?

Наличие неуловимой амбивалентности – лейтмотив поэзии Люлина.

"Да, я не Бунин, я иной" – говорит дерзкий поэт, продолжая тем произносить имена нобелиатов и вынося себя за скобки рафинированного литературного благородства, –

…я иной
Родной кириллицы охранник.
Владею рифмой, как мечом
Владел мой предок-ратоборец.

Фехтование иногда сравнивают с восточной живописью – взмах клинком, что удар кистью, та же точность, краткость, образность. И это прекрасно. Особенно, когда есть видение – ради чего ловкость, изящество, грация. Зачем поэт берёт в руки меч стихосложения?

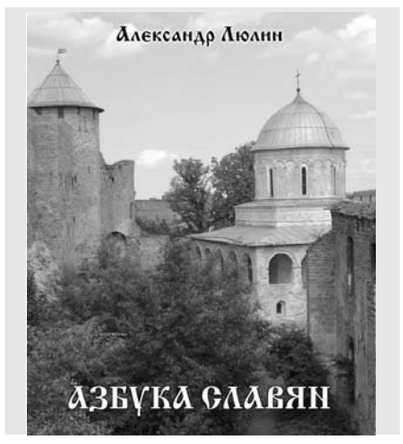
Затем дана родная речь, –
Чтоб я умел кому угодно
Достойно истину изречь
Глаза в глаза и – принародно.

Не разбирать священные глаголы, записанные Всевышним в природе, в душе человеческой, в проявлениях народной жизни, а почти по Козьме Пруткову – "Зри в корень!", – взять быка за рога и изречь истину, изначально ведомую поэту-сочнопевцу. Вот катехизис поэта русского по Люлину, вот символ веры поэта, владеющего ключом азбуки славян.

Поэт! Себе не прекословь:
Не в молоко и не в чернила, –
Перо обмакивают в кровь!
Перо ж Жар-птица обронила.

То, что здесь в результате фонетической подножки вслед за случайно "в кустах оказавшейся" Жар-птицей вот-вот готово выскочить "пирожное", банализирующее одухотворённость высказывания, не беда, – это в традициях балаганчиков, не жалеющих клюквенного сока комического устрашения публики ради.

Часто в "Азбуке славян" строка Люлина звучит на пределе, за которым



начинается риторика, изречение истины в виде доступной школьной прописи. Да, поэзия один из видов познания, таинственный во многом вид, и от соблазна впасть в дидактику, в назидание, трудно уберечься и сильному поэту, не говоря о сонме стихотворцев, грешащих идеей поучения заблудших сограждан. Люлин – поэт сильный без оговорок. Отсюда вопрос. Упрекая в скучности Бродского, неужели он не замечает, что собственный свист рифмованного меча вне глубины поэтического созерцания, вне попытки полёта, броска, падения в неведомое озарение, способен навеять скуку? Изречение тьмы и тьмы, и тьмы… низких истин – дело невесёлое, удаляющее поэта от поэзии. Удалился ли от неё Александр Люлин? Судя по словам – *"Известно: словом согрешишь, / Но словом также и спасёшься"* – нет. Пример его лирического героя, похоже, находящегося в лимбе, в месте скопления душ, не попавших в рай, оказавшихся между адом и чистилищем, привычен для многих и многих русских людей. В общем, ничего особенного, это положение, подобное водороду – от металлов отстал, к галогенам не пристал, – при определённых условиях образует живую воду, при неопределённых – бомбу бунта. Типичная раздвоенность сознания проявляется в совмещении несовместимого:

На звучном, грешном, непорочном
С Христом и Лениным в башке –
Мы выросли не в парнике! –
На потрясающем, на сочном
Богоугодном языке.

Осознание принадлежности народу-богоносцу непоколебимо у героя "азбуки". Оно легко склоняет поэта к декламации – яркой, ритмичной, впрочем, не всегда точной.

Для немца, турка ли, для негра
По-русски возвестил Творец:
Так! Аз есмь Альфа и Омега,
Я есть Начало и Конец.

Вот что животворящая всемирная отзывчивость делает: Альфа и Омега – чисто русские слова! причём понятные всем народам сразу, а поэт – недаром небожитель! – внял, на каком языке вещал Творец. Таков парадоксальный юмор Александра Люлина. И там, где у иного штампы как таковые, у него они – художественный приём, метафорическая тавтология, получающая юмористическое значение. И они начинают царить в помутневшем зеркале:

В нём чёрные, как сажа, скачут кони,
Да жабы пучат глупые глаза;
Ни Солнца,
ни Предвечного Младенца,
Лишь злобная овчарка на цепи…
Душа моя,
вся трауром оденься,
Ты – чёрную повязку нацепи.

Чудны пространства зазеркального юмора охранника родной кириллицы: ради свистящей усмешки меча рифмы можно и повязку не повязать, а нацепить, и душу бестелесную одеть. В стихотворении "Мой чёрный человек. Мой чёрный ангел" юмор возникает как раз в тот момент, когда читатель уже готов прослезиться вслед за героем, жалующимся на бытовую неустроенность, на безответную любовь, на мытарства жаждущего женской ласки одинокого мужчины – то ли мальчикового старичка, то ли старичкового мальчика, языком "банальной эрудиции" объясняющего вещи, не требующие объяснения кому бы то ни было вообще, а женщине, тем более.

И никуда от жизненных реалий
Нам не уйти. Так не считай ворон:
Ты понимаешь, мир материален,
Хотя, конечно, одухотворён.

Что-то явно от сельского мудреца-книгочея и добродушного хитрована деда Щукаря есть в сентенциях героя Люлина, смесь стремления к высшей правде и лукавства, декларирующего это стремление и не более того.

Его герой-любовник культивирует в себе одинокого неудачника, герой-патриот – наоборот, двоеженец, мечущийся между ленинской интернациональной идеей и рубцовско-есенинской песней, – что ж не везёт в любви, повезёт в общественно-политическом амплуа?

Ты,
моя разгневанная
Муза,
Посмотри –
чужое всё кругом…
Я, поэт
Советского
Союза,
Родины,
захваченной врагом,
На границе нищей деревеньки,
С носовым платочком для соплей,
Продаю берёзовые веники,
Граждане! По пятьдесят рублей!

Смех сквозь сопли. Ну не о слезах же бесконечно! И поможешь ли слезами действительному горю, потере страны, на азбуке славян взрастившей миллионы людей, предоставленных теперь самим себе? На что уповать? Остаётся только исконное наше: юмор, терпение, молитва и пение. Терпение и молитва в стихах Люлина, как правило, звучат прикровенно, откровенно он поёт и шутит, ёрничает.

Будут оккупанты да изменники
Изгнаны из радостных соцстран:
Веники, берёзовые веники –
Тайное оружие славян!

В несусветице этой, пожалуй, есть зерно, точно как в издёвке юродивого подчас скрыта истина пророчества. И здесь, не об этом ли – очиститься бы нам от собственных заблуждений, и всё остальное тогда отмести несложно? Во всяком случае, в это парадоксальным образом начинаешь вдруг верить, пока читаешь книгу Люлина, признающегося:

По жизни я немногословен,
Стихом – роскошно-говорлив.

А после прочтения – верится? Полноте! подлинно ли это "Азбука славян"? Не роскошно-ли-дерзко шутит поэт, выдавая за неё нечто вроде азбуки Буратино, проданной человечком за четыре сольдо, чтобы купить билет в театр?

Уж больно много в ней риторики и лицедейства. Но, может быть, это в порядке вещей – поэту не быть собой, быть медиатором, воспроизводить то, что тебя колеблет, ты ведь, хоть и мыслящий, а тростник, и раз назвался…

И в эту полость вольно вдуваются звуки, издаваемые ветром, рекой, землёй, птицей, путником и беспутником, звуки, которые поэт слагает в песню и в частушку, в сказ и в молитву. И что, если обилие клюквенного сока – рифмованной публицистики – в книге дано для того, чтобы оттенить стихи, действительно написанные честной кровью народа – родным священным языком?

И когда, задевая за липы,
В низком небе плывут журавли –
Отчего их гортанные всхлипы
Отзываются эхом в крови:

Отчего многослойная ржавость
Бедных рощ за стеклянной рекой
Навевает не холод, не жалость,
А закатный душевный покой?

Я люблю эту женщину – осень
И её, полный ветра, наряд:
Вечерами в растрёпанных косах
Звёзды севера жарко горят.

Я один в остывающем доме.
Незаметно сгущается ночь.
Согреваю дыханьем ладони,
Друга жду. А за окнами – дождь.

Книгой "Азбука славян" Александр Люлин вольно или невольно напоминает, что "умом Россию не понять…", ею можно дышать, её можно петь, кричать ею, молиться – и всё это будет Россия, всяк её видит по-своему, и во всяком она по-иному отражается. У кого – изречённая азбучными истинами, у кого – испепеляющим глаголом, у иного – тайнописью… Так или иначе, всяк поэт стремится одухотворить букву.

Мы не уйдём со сцены!
Сценою – белый свет:
Люлин, Рубцов, Есенин,
Тютчев, Некрасов, Фет.

Пожалейте голого короля

Юрий ПАВЛОВ

Не одно десятилетие Александр Байгушев самозабвенно и без устали твердит о своём элитном образовании и о специфическом самообразовании. Однако почти в каждом абзаце байгушевских опусов можно найти примеры, свидетельствующие о вопиющей дремучести, элементарной необразованности, запредельной безграмотности их автора. Суждения Александра Иннокентьевича о литературе, критике, журналистике, истории, политике выявляют интеллектуально-профессиональный уровень человека, называющего себя критиком, писателем, помощником Суслова, "партийным разведчиком", координатором "русских клубов" и так далее.

Цитаты из Байгушева буду приводить полностью, чтобы заранее снять упреки в искажении мыслей автора (естественно, я понимаю: для Александра Иннокентьевича и его безбашенных союзников любые факты, контраргументы – "божья роса"). К тому же, цитаты дадут возможность читателям "насладиться" языком, логикой размышлений этого якобы блестяще образованного человека. Если у кого-то в итоге случится нервный срыв, возникнут "экстремистские" желания (вынести такое издевательство над русским языком и здравым смыслом может не каждый), то "благодарственные" письма отправляйте В.В. Огрызко, самому горячему поклоннику и самому настойчивому пропагандисту байгушевского таланта.

* * *

В статьях разных лет Байгушев периодически вспоминает Белинского, демонстрируя при этом такие знания и такой уровень мышления, что впору задаться вопросом: где те "системные филологические познания", то "системное образование", о которых, характеризуя себя, говорит Александр Иннокентьевич? В статье "Блистательный эстетизм Бондаренко" Байгушев с присущим ему топорным чувством языка пишет: "Да, и сам Виссарион Белинский вроде как печатался именно у себя, а не у чужих, и своих, именно своих авторов, у себя же в журнале "Современник" напечатанных, не только дотошно разбирал, но и пропагандировал, а где бы ему ещё место для пропаганды дали? Другие-то журналы были чужими" *(Байгушев А. Блистательный эстетизм Бондаренко. // Бондаренко В. Трудно быть русским. – М., 2007).*

В "Современнике" Белинский печатался только в 1847-1848 гг. До этого "своими" журналами для критика были (называю в хронологическом порядке) "Телескоп", "Молва", "Московский наблюдатель", "Отечественные записки", "Литературные прибавления к "Русскому инвалиду". Дольше всех "своим" журналом для Белинского являлись "Отечественные записки" (1840-1846 гг.).

Несостоятельно и следующее байгушевское сравнение: Бондаренко, подобно Белинскому, печатался в русском "ПоРоге", а не в "еврейском "Вагриусе". Однако в эпоху Белинского еврейских издательств и изданий не существовало. Чужими же критик считал, в первую очередь, славянофилов, их журнал "Москвитянин" и "Московский литературный и учебный сборник".

Представления Байгушева о Белинском застряли на уровне 40-50-х гг. XX века. Сказанное, правда, имеет отношение не только к Белинскому. В той же статье Байгушев называет Бондаренко "продолжателем лучших традиций Виссариона Белинского, Аполлона Григорьева, Николая Страхова, Александра Макарова, Вадима Кожинова".

Если бы "наперсточник с цитатами", как, похваляясь, именует себя (вслед за якобы профессорами МГУ) Александр Иннокентьевич, читал не только Карла Маркса, Владимира Ленина, Вячеслава Огрызко, Александра Разумихина, но и Ивана Киреевского, Алексея Хомякова, Аполлона Григорьева, Фёдора Достоевского, Николая Страхова, Василия Розанова и других русских мыслителей XIX века, то наверняка бы не поставил в один ряд западника Белинского с Аполлоном Григорьевым, Николаем Страховым и любыми славянофилами, почвенниками. К тому же Белинский и, скажем, Николай Страхов представляют принципиально разные мыслительно-весовые категории. Об этом писал ещё Василий Розанов: "В сравнении с этой всеобщей мыслью (Страхова. – *Ю.П.*) все, написанное Белинским, мне показалось незначительным, бледным" *(Розанов В. Собрание сочинений.О писательстве и писателях. – М., 1995).*

Закольцовывая сюжет о Белинском, приведу два высказывания Розанова о критике, которые в полной мере применимы и к характеристике Байгушева: "Совершенное отсутствие в нём чувства России, отсутствие чувства русской истории"; "Прополз как клоп по литературе, кого-то покусал обличительно" *(Розанов В. Сочинения. – М., 1990).*

И с критиками XX века А.Макаровым и В.Кожиновым, в ряду которых Байгушев прописывает Бондаренко, также случился конфуз. На него первым обратил внимание Николай Кузин: "Особенно инородной здесь выглядит фигура А.Макарова, критика плодовитого, реактивного, но чересчур

"пришпиленного" к злобе дня (50-м – 60-м годам прошлого века), а потому и не выдержавшего, на мой взгляд, испытание временем"; "Сравнение А.Байгушева нынешнего В.Бондаренко с "молодым" Вадимом Кожиновым (когда тот писал сугубо теоретические вещи!) выглядит не только странным, но и нелепым" *(Кузин Н. Сервильный пафос Александра Байгушева. – Литературная Россия. – 2006. – № 37).*

Одной из лучших своих работ Байгушев называет "О саддукействе и фарисействе" *(Москва. – 1988. – № 12)*. В ней автор демонстрирует свои знания уже по русской литературе XX века: "Борис Пастернак не мог не понимать и того, что его культ, насаждающийся Н.Бухариным в обмен на славословие Сталину, ударил одним концом по Маяковскому, а другим – и куда сильней! – по Есенину".

В случае с Пастернаком, как и в сотнях подобных, Байгушев приписывает поэту понимание того, чего в принципе не могло быть в силу разных субъективно-объективных причин. Стихотворение "Художник" – "славословие Сталину" – опубликовано в 1936 году. Однако своё восхищение Пастернаком Бухарин выражал многократно ещё до появления данного произведения. Уже поэтому часть байгушевской версии – "в обмен на славословие" – выглядит надуманной.

Не менее уязвимы и остальные "составляющие" суждения автора. Стихотворение "Художник" не могло "ударить одним концом по Маяковскому" хотя бы потому, что в 1935 году Иосиф Сталин написал: "Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи. Безразличное отношение к его памяти и произведениям – преступление". Есенин же ко времени появления "Художника" поэтически, политически, человечески был давно не только "развенчан" кольцовыми, сосновскими, бухариными, луначарскими и прочими русофобами, но и в сущности запрещён.

Таким же "знатоком" вопроса Байгушев предстает и в историко-политической "части" данного высказывания. Культ Пастернака, насаждаемый Бухариным, в ответ на "славословие Сталину", – одна из многочисленных примитивнейших "уток" Александра Иннокентьевича. В последний год жизни Бухарину (которого Байгушев ещё именует в своей статье "видным деятелем нашей партии") было явно не до насаждения культа Пастернака. В феврале 1936 года он перестает быть главным редактором "Известий", затем его отправляют в "ссылку" – загранкомандировку. Летом состоялся Первый московский процесс, на котором обвиняемые назвали Бухарина сообщником; и далее события разворачивались по нарастающей…

О своих современниках Байгушев наговорил не меньше нелепостей, чем о критиках и писателях XIX – первой половины XX веков. О том же Юрии Кузнецове мы узнаём: "к концу своего жизненного пути он ездил с нами, отчаянными русскими патриотами, на массовые патриотические выступления-митинги. Литераторы передрались, даже такой наш Виктор Астафьев дрогнул – подписал гнусное письмо в поддержку расстрела Верховного Совета, за Ельцина и либералов против патриотов.

А Юрий Кузнецов, напротив, из стана либералов и авангардистов пришёл к почвенникам и патриотам. Да, он сделал трудный выбор, это было его вызовом ельцинскому предательству" *(Байгушев А. Блистательный эстетизм Бондаренко // Бондаренко В. Трудно быть русским. – М., 2007).*

Понять невозможно, на основании каких фактов творческой биографии Юрия Кузнецова Байгушев сделал такие выводы. Мировоззренчески и творчески Кузнецов никогда не был либералом, никогда с ними не дружил. Проиллюстрирую сказанное только одним примером. В отличие от Вознесенского и других "апрельевцев", славивших Горбачева и перестройку, Кузнецов в "Откровении обывателя" называет Горбачева Иудой, перестройку – адским планом. Известие о гласности вызывает предсказуемую реакцию: "Я чихал на подобную гласность!". Юрий Кузнецов прекрасно понимает сущность происходящего: *"Но о главном и в мыслях молчат, //Только зубы от страха стучат".* Не знаю, стучали ли зубы от страха у Байгушева, но он, как и водится у политических проституток, писал как надо, политически грамотно (примеры – в следующей главе).

Сергей Наровчатов, учитель Юрия Кузнецова, ещё в 1974 году назвал его поэтом "диаметрально противоположным" Вознесенскому. Эту "диаметральную противоположность" Байгушеву не дано увидеть, услышать, понять. Думаю, Юрий Поликарпович имел в виду прежде всего Вознесенского, когда говорил об альтернативном пути "духовного одичания метафоризма" *(Кузнецов Ю. "Отпущу свою душу на волю". – Литературная Россия. – 1995. – №35).*

Что же касается упомянутого Байгушевым Астафьева, то он "расстрельного письма" не подписывал. Как сообщает писатель В.Линнику 14 января 1994 года, его подпись под письмом была "присобачена" без согласия с ним. Однако через короткое время Астафьев "уяснил для себя – подпись моя, стоявшая среди достойных людей нашего времени, уместна и я поставил её, считайте, задним числом" *(Астафьев В. Нет мне ответа… эпистолярный дневник. – М., 2012)*. В этом признании закономерно проявился "поздний" Астафьев. О его "порче" *(В.Бондаренко)* свидетельствуют письма, интервью, произведения последних 25-ти лет. Высказывания Астафьева о русском народе, истории, о Великой Отечественной войне, о многих современниках звучат в унисон с оценками русофобов разных мастей.

И, наконец, о ельцинском предательстве 93-го года можно было бы говорить, если бы до этих трагических событий ЕБН вёл себя достойно. У Ельцина же был, как отмечал ещё Игорь Дедков, "энтузиазм предателя", который он воплотил в многочисленные преступления против своего народа, Родины.

Все вышеназванные "достоинства" Байгушева нашли воплощение в его последнем опусе "Гришка Отрепьев нашего времени" *(Литературная Россия. – 2016. – № 12, 13).* Особенно смехотворно-анекдотично выглядит стремление Байгушева "надуть" Александра Разумихина: сделать из него "авторитетного критика", "близкого друга Юрия Селезнёва", достойную альтернативу Станиславу Куняеву и Александру Казинцеву. Естественно, что аргументы и факты, подтверждающие новоиспеченные мифы – сказки для детей дошкольного возраста, – у Байгушева отсутствуют. Он, видимо, думает, что кого-то может убедить его пустопорожнее славословие.

И всё же одно утверждение Байгушева заслуживает внимания. Александр Иннокентьевич пишет: "Разумихин критиком слыл (разрядка моя. – *Ю.П.*) авторитетным и, главное, влиятельным. С ним в литературном мире мы все очень и очень считались <…>". Кто эти "мы" в тексте не сообщается, но по косвенным признакам можно предположить – "сладкая парочка" Байгушев и Огрызко. Ну, может быть, ещё несколько человек, для которых Разумихин слыл и слывет авторитетным критиком из-за своего влиятельного – редакторского – положения.

Естественно, что о Разумихине-критике нет ни слова ни у одного серьёзного автора.

О Разумихине, "близком друге Юрия Селезнёва", современники Юрия Ивановича умалчивают. Кроме того, Юрий Лощиц, Виктор Лихоносов, Александр Федорченко – самые близкие друзья Селезнёва – о существовании Разумихина не знают вообще.

О влиятельном же редакторе Разумихине информация имеется. Михаил Лобанов вспоминает, как Разумихин настойчиво предлагал ему заменить слово "русский" на "советский". Но Михаил Петрович не поддался давлению редактора, о чем позже рассказал в своей книге "В сражении и любви" *(М., 2003)*. А через пять лет Лобанов получил в ответ мемуар Разумихина, рассказанный в духе Байгушева.

Прочитав весь опус Разумихина "Трое из сумы", я, возмущённый, написал статью "Час серости", в которой показал полную творческую несостоятельность и непорядочность Разумихина. Через 7 лет после этого из публикации Байгушева узнал: я сделал это "по команде" Александра Казинцева. Понятно, что в данном случае Александр Иннокентьевич судит по себе, опираясь на свой лакейский, административно-партийный опыт.

Ответом и на мои публикации о Разумихине, Байгушеве, Огрызко является пасквиль-донос "Гришка Отрепьев нашего времени". В нём "партийный разведчик" вернул мне некоторые характеристики, которые я давал ранее ему, Огрызко, Разумихину. Байгушев видит мою "дремучую невежественность" в том, что я "поручил основной доклад" на "вечере памяти Селезнёва" не Ю.Лощицу, А.Разумихину, В.Ганичеву, а А.Казинцеву.

Прежде чем рассуждать о чьем-то невежестве, Александр Иннокентьевич, научитесь отличать "вечер памяти", которого не было, от научной конференции, проходившей второй раз. И на этих Селезнёвских конференциях, как и на десяти предыдущих Кожиновских, я не назначал основного докладчика. На пленарном заседании, как правило, выступали 6-8 человек. У Вас, Александр Иннокентьевич, примитивно-лакейские административно-партийные представления о научных конференциях и людях вообще.

Юрия Лощица же я приглашал дважды. Первый раз он не приехал по причине болезни, второй раз – по семейным обстоятельствам. Кстати, в день 70-летия Селезнёва, когда мы шли к могиле Юрия Ивановича, Лощиц сказал: лучше Павлова о Селезнёве никто не написал.

"Серость" же Разумихина, Александр Иннокентьевич, приглашайте сами, может быть, хоть вечер, посвящённый творчеству одного из ваших прежних или нынешних кумиров, проведёте.

И последнее: научитесь, наконец, полемизировать хотя бы на элементарном уровне. Не конструируйте удобный для вас образ оппонента из подручного материала (ваших фантазий, сплетен и тому подобное), не навешивайте ярлыки (среди них особо выделяются ярлыки с политической окрашенностью: чувствуется школа и более полувековой опыт). Полемизируйте с оппонентами на уровне анализируемых текстов, идей, аргументов.

Вы же, Александр Иннокентьевич, в своём последнем опусе только и делаете, что навешиваете ярлыки и говорите абсолютную чушь о Станиславе Куняеве, Александре Казинцеве, Александре Проханове, Владимире Бондаренко, обо мне, грешном, и о других.

То, что автор "Гришки Отрепьева нашего времени" несёт ахинею, понятно любому человеку с элементарными знаниями и логическим мышлением. Но всё же на одном примере остановлюсь, ибо через него проявляются уровень современных знаний, полемики, человеческие качества "партийного разведчика".

Во всей словесной блевотине Байгушева обо мне есть якобы одна моя цитата: "Странно, что Александр Разумихин, называющий себя критиком, совсем ничего не говорит о критических статьях Казинцева". И далее Байгушев продолжает: "Армавирскому профессору, похоже, невдомёк, что значительных литературно-критических статей у его нынешнего друга (узнаю любимое слово Огрызко. – *Ю.П.*) Казинцева просто никогда не было".

Во-первых, Байгушев не в состоянии без собственного редактирования даже привести цитату из первоисточника. У меня данное предложение выглядит так: "Странно, что Александр Разумихин, называющий себя критиком совсем ничего не говорит об этих (в предыдущем абзаце назывались статьи Казинцева: "Простые истины", "Лицом к истории: продолжатели или потребители", "Очищение или злословие", "История – объединяющая или разобщающая", "Новая мифология". – *Ю.П.*) и других критических статьях Казинцева, предпочитая общие рассуждения вперемешку с фантазиями, сплетничаньем об авторе". Думаю, Байгушев обрезал цитату не только потому, чтобы отвести удар от Разумихина. Выброшенная им характеристика Разумихина в полной мере применима и к самому Байгушеву, и к Вячеславу Огрызко.

Во-вторых, если статей, достойных внимания, у Казинцева не было, то кому тогда принадлежит текст "О саддукействе и фарисействе" (для тех, кто забыл, напомню – Байгушеву), где с пиететом цитируется Казинцев?

В-третьих, если не было статей и критик не состоялся, то глава "Дух боевитости, или Александр Казинцев" в книге Сергея Чупринина "Критика – это критики" *(М., 1988)* – это видение? О ком писали, с кем полемизировали С.Чупринин, А.Немзер, В.Кожинов, К.Степанян, В.Бондаренко, В.Бибихин, В.Лакшин. В.Юхт и другие авторы?

Вообще же помимо вышеназванных статей Казинцева любому человеку полезно прочитать такие тексты критика, как "Не драка, а диалог", "От избытка сердца…", "Я наблюдал, боготворя…", "Я – русский поэт!", "Игра на понижение", "Автор двух поэм", "Надзирающая". В результате, думаю, способный читатель поймет, как нужно писать, мыслить, и что настоящая критика всегда современна, она – нестареющее "искусство понимания".

Для полноты картины приведу несколько высказываний Байгушева, связанных между собой лишь "знаниями", "эрудицией", "уникальной логикой", "оригинальным мышлением" бывшего "партийного разведчика" (хотя, говорят, что бывших не бывает), а ныне главного автора "Литературной России". Видимо, прав Роман Сенчин в оценке настоящего и будущего газеты: "Странно, что "ЛР" борется с боярами, а не с системой, заодно всё чаще и яростнее кусая тех, кто был или мог бы быть союзником. Не случайно за последние годы заметно сузился круг авторов газеты. Не удивлюсь, если в скором будущем останется один – Александр Байгушев" *(Литературная Россия. – 2016. – № 14.)*

Итак, слово Байгушеву:

1. "Наш советский авангард 20-х годов, расчищая себе полигон, сразу начал сбрасывать Пушкина с корабля современности, и делал это не какой-то Бурлюк, а сам Владимир Владимирович Маяковский".

Человеку с двумя высшими гуманитарными образованиями, с "системными филологическими познаниями" неловко сообщать то, что известно любому адекватному школьнику. Авангардисты во главе с Маяковским "начали расчищать себе полигон" еще при Николае II. Литературный манифест футуристов "Пощечина общественному вкусу" был опубликован в декабре 1912 года. Его подписали "какой-то Бурлюк", В.Маяковский, А.Крученых, В.Хлебников. И, конечно, сбрасывать с "парохода современности" предлагали не только Пушкина, но и "Достоевского, Толстого и проч. и проч.", то есть всю русскую классику. Однако именно в советское время, в 1923 году, Маяковский выдвинул тезис учебы у "национализированных классиков" (*Маяковский В. В кого вгрызается ЛЕФ? // Маяковский В. Полн. собр. соч.: В. 13 т. – Т. 12. – М., 1959).*

2. "Каким-то седьмым чувством <…> Брежнев почувствовал, что лауреат Нобелевской премии Солженицын, затем лауреат Нобелевской премии Бродский, теперь вот явно направленно раскручиваемая дикая популистская история вокруг Высоцкого – это, конечно, карты в политической игре ЦРУ".

Сюжет типично байгушевский: он приписывает Брежневу свои мысли и чувства, вопиюще противоречащие общеизвестным фактам. "Седьмое чувство" Брежнева уже потому "утка", что Нобелевским лауреатом Бродский стал через 5 лет после смерти Леонида Ильича.

3. "Но "вторую эмиграцию" всегда и в КГБ, и в ЦРУ равно относили к андергаунду (так у автора. – *Ю.П.*)".

Это о ком такая несусветная чушь говорится? О Григории Климове, Иване Елагине, Иване Солоневиче? Однако к концу текста выясняется, что Байгушев не знает элементарного. Для него "вторая волна" эмиграции – лакуна, поэтому "третью волну" он называет "второй". Судите сами: "Наум Коржавин тоже наш русский эмигрант "второй волны".

4. "Рецензенты, – ещё раз подчеркну, что априори, то есть дружно сговорившись не читать саму книгу, – уже метят маститого литературного критика, как еврея из гетто жёлтым пятном на спине, жирной рубрикой: "Книга – провал (авторская пунктуация сохранена. – *Ю.П.*)".

О книге Бондаренко "Живи опасно" опубликованы рецензии, условно говоря, как положительные, так и отрицательные, причём, первых было больше вторых. Байгушев же сообщает только о последних. Более того, рецензенты якобы не только сговорились не читать критика (такое может придумать только сверх дремучий человек, больной), но и своеобразно "пометили" его.

Байгушевская фантазийная реальность держится только на названии рубрики "Книга – провал", в которой была напечатана рецензия Ильи Колодяжного. Тогда, если следовать логике Байгушева, все писатели, о которых появились и появятся рецензии в этой рубрике, попадают в разряд "евреев из гетто"? Автор же "жирной рубрики", возмутившей Байгушева (как и всех других в "Литературной России"), – Вячеслав Огрызко.

(Окончание статьи – на нашем сайте)